

ВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО АКЦЕНТИРОВАНИЯ В НАУЧНО-ГУМАНИТАРНОЙ АРГУМЕНТАТИВНОЙ ПРАКТИКЕ

Т. Н. Савчук

*Белорусский государственный университет,
ул. К. Маркса, 31, 220030, г. Минск, Беларусь, savtchouktn@bsu.by*

Представлены результаты анализа языковых средств психологического акцентирования, функционирующих в аргументативном (научно-гуманитарном) дискурсе. Произведена типология выявленных средств, установлена их эмоционально-интенсифицирующая роль в научной аргументации, раскрыт механизм воздействия такого рода вербальных приемов, определены условия их эффективности в гуманитарной аргументативной практике. Исследование выполнено на материале обширного корпуса русскоязычных научных статей гуманитарного профиля за 2001–2020 гг.

Ключевые слова: аргументация; психологическое акцентирование; речевое воздействие; научная коммуникация; гуманитарный дискурс.

Для научной аргументации в гуманитарной сфере характерно использование, наряду с рациональным, эмоционального канала убеждающего воздействия. Обосновывая научную идею, исследователь-гуманитарий стремится к тому, чтобы аргументирующее рассуждение/высказывание было для адресата убедительным не только логически, но и психологически. Закономерным следствием такой когнитивной установки выступает включение в аргументативный текст языковых средств, способных эмоционально усилить иллюзию убеждения (на этом основании относящихся к приемам психологического акцентирования). Эти приемы были впервые выделены в рамках конвергентной теории аргументации, релевантной для письменного дискурса гуманитарных наук [1, с. 181–183]. Данное исследование развивает указанную концепцию. Анализ обширного корпуса научных статей, опубликованных в рецензируемых журналах за 2001–2020 гг., позволил систематизировать вербальные средства психологического акцентирования, применяемые в научно-гуманитарной аргументативной практике, и охарактеризовать их с точки зрения дескриптивно-нормативного подхода.

Связывая прагматику психологического акцентирования с эмоциональным усилением аргументативного воздействия, обратим внима-

ние на то, что эмоциональный эффект в данном контексте понимается широко и не сводится к возникновению у реципиента «собственно эмоций» (такая трактовка согласуется с позицией, изложенной в [2, с. 192]). Эмоциональное воздействие предполагает актуализацию многообразных психологических процессов и состояний, включая внимание, память, чувства, настроения и др.

Психологическая реакция, на которую рассчитано аргументативное воздействие, – это чувство уверенности адресата в достоверности (обоснованности) тезиса, защищаемого проponentом. Естественным способом достижения такого перлокутивного эффекта выступает демонстрация аргументатором убежденности в своей правоте (объективным основанием этого процесса служит психологический закон заражения (заразительности)). Именно с этой целью в дискурс вводятся языковые средства, которые эмоционально акцентируют (подчеркивают, выделяют) аргументируемую идею, придают высказыванию экспрессию, создают определенную тональность, настроение и таким образом манифестируют заложенный в сообщении доминантный чувственный посыл.

Систематизация вербальных приемов психологического акцентирования, используемых в письменной гуманитарной научно-аргументативной практике, позволила распределить их по нескольким группам. Объединенные прагматической функцией, выделенные группы языковых единиц по-разному эту функцию реализуют.

1. Выражения со значением очевидности, достоверности факта (знания), передающие категорическую уверенность: *Безусловно; Несомненно; Разумеется; Конечно (же); Естественно (что)...; Очевидно / Ясно / Понятно, что...; С очевидностью обнаруживает (демонстрирует)...; Вряд ли у кого вызывает сомнения...; Не вызывает сомнения тот факт, что...; Факты не оставляют сомнений в том, что...; Стоит ли говорить, что...; Излишне говорить, что...; Бессмысленно отрицать, что...; Примеры... настолько многочисленны, что это уже не требует обоснования* и др. Такого рода вербальные единицы, участвуя в построении аргументирующих рассуждений, трансформируют их модальность: мнение представляется как знание, которое не нуждается в доказательстве. Тактический расчет здесь видится в том, чтобы вывести это «знание» из зоны критического восприятия.

2. Аргументативные вербализаторы, расширенные за счет интенсифицирующих лексем: *достоверно установлено; убедительно пока-*

зывает (демонстрирует, подтверждает); **определенно** можно утверждать, что...; данный факт является **убедительным** свидетельством; можно **смело** отнести к числу...; **однозначно** положительный момент; **безусловно** позитивными являются следующие факторы; основанием для этого является тот **непреложный** факт, что... и под. Лексические приращения в составе стандартных аргументативных маркеров акцентируют высокую степень обоснованности суждения, его доказательной силы. Прагматическая роль подобных выражений становится очевидной, если элиминировать входящие в их состав интенсифицирующие компоненты.

3. Аргументативно сильные глаголы и их производные, функционирующие, как правило, в составе вербальных индикаторов тезиса обоснования: *Приведенные примеры доказывают, что...; В том, что... лишний раз убеждает; Развитие идеи... убеждает в том, что...; Пристальное изучение... убеждает в том, что...* и т. п. Психологическая значимость выбора лексем, оформляющих модальность достоверности типа *доказывать, убеждать*, проявляется на фоне соотносительных прагматически нейтральных вариантов типа *показывать, подтверждать, свидетельствовать*. Максимальный прагматический потенциал заложен в дискурсивных формулах, сочетающих несколько прагматически сильных лексических единиц с аргументативной семантикой: *Последние исследования в данной области **убедительно доказывают, что...**; Практика **убедительно доказала...**; Это фактически **доказано...** и в этом еще раз **убеждает...*** и под.

Воздействующий механизм акцентирующих средств, относящихся к группе 3, имеет психологические основания. Квалификация эпистемического статуса пропозиций как достоверных, условно говоря, освобождает реципиента от необходимости критического их анализа: эта работа уже якобы выполнена аргументатором, и адресату остается лишь принять ее результат не рефлексировав, т. е. поверить. В действительности же воспринимающему субъекту стоит проявлять особую бдительность при оценке качества рассуждений, содержащих подобные языковые маркеры (данное замечание относится также к близким по прагматике вербальным приемам групп 1 и 2).

4. Кванторы общности – слова и выражения, указывающие на полноту количественного признака. Они могут иметь различные грамматические формы (прономинальные, адвербиальные, адъективные): *всякий, каждый, любой, все, всегда, никто, никакие, никогда, ни один*

и всегда участвуют в формировании общих высказываний. Учитывая, что общие суждения, с точки зрения логики, проблематичны (имеют высокую вероятность фальсификации), вполне естественно «прагматическое недоверие» к ним со стороны реципиента [3, с. 241].

5. Слова-интенсивы (слова степени) – показатели максимально высокой интенсивности (степени) проявления атрибутивного свойства/признака: *обязательно, непременно, чрезвычайно, совершенно, абсолютно, непреложно (ый), вездесущий, всепроникающий, катастрофически (ий), беспрецедентно (ый), (принципиально) невозможно, немыслимо* и т. п. Операторы интенсивности и количественной полноты, не будучи тождественными категориями (подробно об этом см. в [3, с. 81–84]), близки функционально.

Языковые единицы из групп 4 и 5 реализуют значение эмоционального усиления аргументации, употребляясь в составе аргументативных маркеров (*со **всей** очевидностью свидетельствует; не вызывает **никаких** сомнений; вне **всякого** сомнения, что; **никто** не станет отрицать; с **полным** основанием можно отнести; **совершенно** очевидно (понятно), что; представляется **совершенно** бесспорным*), либо используются в качестве ресурсных (вспомогательных) средств, акцентирующих точку зрения аргументатора, стимулирующих психологическое воздействие приводимых доводов: *Эти новые дискурсивные единицы – комплексные дискурсивы – находятся «в компетенции» разных сторон мышления, но **непременно** «под зонтиком» эмоционально-критической (**всегда в высшей степени** экспрессивной) направленности мышления* (ВТГУ, с. 72).

6. Активизация вербальных форм отрицания выступает еще одним приемом выражения безапелляционности суждений. Насыщение аргументирующего рассуждения средствами негации (отрицательные частицы, местоимения, наречия), создавая экспрессивный фон общения, стимулирует эмоциональный отклик реципиента: *Выступление национальной сборной Республики Беларусь по хоккею... повергло в шок страну. Оказалось, что у самой главной команды страны **нет ни** лидеров, **ни** патриотизма, **ни** мотивации* (СА, с. 478).

Концентрированное применение акцентирующих средств из групп 4–6 придает высказыванию особую напряженность, динамику и обеспечивает максимальный воздействующий эффект, что иллюстрирует следующий фрагмент характеризующей аргументации: *Право властей на информирование местной общественности о своей дея-*

тельности привело к тому, что страницы местной прессы **до предела** забиваются однотипной официальной информацией, **абсолютно ничего не дающей ни уму, ни сердцу** <...> Это, в сущности, и не газеты, а своего рода клоны. Они **не** отличаются друг от друга **ни** по внешнему виду, **ни** по содержанию. В них **нет ни одного** живого слова, **ни одной** заметки, затрагивающей местные проблемы... (ВМУ2, с. 80).

7. Контактное употребление модальных предикатов, а также семантически близких либо эквивалентных глагольных словоформ в различных временных модусах: *Мы не должны и не можем мириться с таким положением, когда...; Такое обучение может и должно способствовать...; Речь может и должна идти о...; Важно и можно преодолевать; Этой проблемой всегда была, есть и будет...; Здесь ряд номинаций... был открыт, открыт и открытым будет; Никто, кроме психологов, эту работу профессионально не делает и не сделает* и т. п. Подобные речевые конструкции передают категорическую уверенность продуцирующего субъекта аргументации, актуализируя эмоциональный канал восприятия сообщения, формируя его экспрессивные доминанты и таким образом увеличивая степень психологического воздействия.

8. Авторизированные конструкции, включающие различные средства вербального усиления: *Я убежден, что...; Глубоко убеждены, что...; Мы можем с уверенностью констатировать (утверждать), что...; Мы уверены, что совершенно оправданно...; Определенно можно утверждать, что...; Безусловен, по нашему мнению, факт, что...; У нас есть все основания считать (что)...; Думаем, что так было и будет всегда* и др. Эмоционально-интенсифицирующий характер приведенных выражений объясняется тем, что они, транслируя уверенность аргументатора в истинности субъективного знания, непосредственно влияют на чувственную сферу адресата (стимулируют эмоциональные реакции соучастия и доверия). Такой эффект становится особенно заметным при совмещении подобных речевых конструкций в аргументативном тексте: *На наш взгляд, **мы имеем все основания считать** Всемирную паутину самостоятельным видом бизнеса... В настоящий момент **мы можем с уверенностью сказать, что** PR-бизнес всерьез и надолго обосновался в сфере Интернета* (ВМУ1, с. 62).

Рассмотренные средства психологического акцентирования используются в научно-гуманитарном дискурсе в различных вариантах и

комбинациях. Выделенные группы акцентирующих приемов, а также элементы внутри этих групп обладают неодинаковым прагматическим потенциалом. Объединяющая их прагматическая роль в аргументативно-речевой практике – эмоционально усиливать воздействие на реципиента, привлекая внимание к лично значимым компонентам аргументирующего рассуждения. Эта роль реализуется путем повышения экспрессивности высказывания, актуализации чувственных реакций адресата (при естественном ослаблении рационально-логической доминанты сообщения) и опирается на психологические закономерности коммуникации (в первую очередь – механизм заражения, обеспечивающий трансляцию чувства уверенности, убежденности).

Акцентирующие вербальные приемы выступают как неизменный атрибут аргументативной деятельности в сфере гуманитарных наук, отражая характерную для этой области коммуникативной практики тенденцию к индивидуализации. Однако правомерность их применения требует учета нормативных критериев. В данном контексте релевантен следующий принцип аргументирования: «чем больше та степень уверенности, с которой выдвигается та или иная точка зрения, тем более веские доказательства должны быть приведены в ее пользу» [4, с. 192]. В случае отсутствия надежных доводов интенсифицированное аргументативное рассуждение расценивается как способ оказания психологического давления на адресата, навязывания ему (внушения) определенной модели ситуации, т. е. как манипулятивное воздействие (см. об этом в [5]).

Важно отметить, что качественное описание и адекватная оценка используемых в аргументативном дискурсе языковых средств акцентирования предусматривают опору на широкий контекст и ситуацию.

Список сокращений

ВМУ1 – Гринберг Т. Э., Лучкина С. А. Интернет: средство коммуникации публик рилейшнз или новая профессиональная технология? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика. 2001. № 6. С. 56–62.

ВМУ2 – Золотых А. Д. Местная пресса мегаполиса: зеркало жизни или служанка власти? // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика. 2011. № 5. С. 75–84.

ВТГУ – Котюрова М. П., Баженова Е. А. Частицы-дискурсивы в аспекте критичности мышления журналиста // Вестн. Томск. гос. ун-та. Филология. 2020. № 64. С. 63–75.

СА – Рысюкевич Н. С. Формирование спортивных лидеров: социологические матрицы // Социол. альм. 2013. Вып. 4. С. 477–488.

Библиографические ссылки

1. Савчук Т. Н. Аргументация в русско- и белорусскоязычном научно-гуманитарном дискурсе. Минск : Изд. центр Белорус. гос. ун-та, 2018.
2. Маслова В. А. Параметры экспрессивности текста // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М. : Наука, 1991. С. 179–204.
3. Киклевич А. К. Язык и логика. Лингвистические проблемы квантификации. München : Verlag Otto Sagner, 1998.
4. Еемеерен Ф. Х. ван., Гроотендорст Р. Аргументация, коммуникация и ошибки : пер. с англ. СПб. : Васильевский остров, 1992.
5. Nettel A. L., Roque G. Persuasive argumentation versus manipulation // Argumentation. 2012. Vol. 26, № 1. P. 55–69.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЯЗЫКА СОВЕТСКОГО ДЕТСТВА В РОМАНЕ А. ИВАНОВА «ПИЩЕБЛОК»

А. В. Сидоренко

*Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка,
ул. Могилевская, 37, 220007, г. Минск, Беларусь, a.v.sidorenko@bspu.by*

В работе рассматривается текст романа А. Иванова «Пищеблок», который вызвал живой отклик современного читателя, с точки зрения осуществленной его автором реконструкции языка советского детства 1970–1980-х гг. Текст произведения предельно насыщен лексико-фразеологическими единицами и прецедентными текстами, характеризующими «языковой вкус эпохи», в том числе (и по большей части) именно детский, поскольку главными участниками диалогов являются дети. Основные приметы детского языка описываемого периода на страницах романа: 1) высокая доля слов и устойчивых выражений, относящихся к различным жаргонам (детско-подростковому и криминальному); 2) значительное количество диалогов, построенных по законам фольклорной коммуникации; 3) проникновение в детскую речь словарных единиц «языка Совдепии».

Ключевые слова: советское детство; жаргон; детская речь; детский фольклор.

В романе А. Иванова «Пищеблок» (издан в 2018 г., экранизирован в 2021 г.) воссоздается хорошо узнаваемый зрелым читателем мир позднесоветского детства (основные описываемые события происходят в 1980 году). В центре нашего внимания – создаваемый автором образ языка советского детства, прежде всего в области его лексикона и речевых (во многом фольклорных) жанров. Как именно автор достигает поставленной цели? Какова созданная им речевая картина?